

НУЖНА ЛИ НАМ ИДЕОЛОГИЯ?

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО Л.П. Буева, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН И.В. Егорова.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

Гуревич П. В 1926 году видный итальянский коммунист Антонио Грамши оказался в тюрьме. Долгие дни и ночи пришлось провести в застенке. Он был освобожден только в 1934 году. До кончины оставалось всего четыре года. Там, в камере, он начал писать «Тюремные тетради», которые позже принесли ему огромную славу. Его размышления были изданы позже на многих языках. Темы, затронутые в «Тетрадах», касались самых разных аспектов гуманитарного знания. Особый интерес автора вызвали поворотные события политической истории. Он стремился осмыслить опыт Реформации, Французской революции, русской революции 1917 года. Две темы из этого обширного перечня политических сюжетов оказались весьма волнующими: проблема гегемонии и отождествление политики со страстью. Обычно первая тема сопряжена с обсуждением насилия, его оправданности и тех издержек, которые с ним связаны.

Рассуждения Грамши поразили своей нетривиальностью. Да, революция неизбежно приводит к гегемонии, к принуждению. Но она не обязательно должна обернуться только насилием. Власть держится не только на диктате покорности. Она укрепляется главным образом согласием граждан. Не просто вынужденной поддержкой власти, но еще и убежденностью в справедливости того, что предлагают властители. Полемизуя с другим видным итальянским теоретиком, Б. Кроче, Грамши утверждает правомочность идеологии. Политическая инициатива может носить «наступательный характер», вести постоянные атаки, давить на противника. Но она способна также к серьезной социальной полемике. Необходимо не только насилие, но и идеологическое убеждение. Создание и распространение идеологий — святая обязанность теоретиков, ученых, представителей интеллигенции.

Власть не может обеспечить собственное величие без идеологии, массам тоже она нужна. Сегодня в нашей стране часто сетуют на то, что в существующей Конституции Российской Федерации говорится о недопустимости любой государственной идеологии. Многие политики считают это ошибкой. Они ратуют за возрождение идеологии. Толкуют о том, что без идеологии страна не может решить поставленные перед нею исторические задачи. В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

- 1. Каковы исторические судьбы идеологии?**
- 2. Какова ее роль в современном мире?**
- 3. Что принесет нам консервативная идеология, взятая сегодня на вооружение?**

Каковы исторические судьбы идеологии?

Буева Л. Вокруг этого понятия происходит сегодня нечто невообразимое. О нем затосковали не только политики, но и ученые, чиновники, бизнесмены. Оживилось племя идеологизаторов. Маята по идеологии охватила даже широкие массы людей. Многие вспоминают как отрадный исторический период время, когда генсеком был Л.И. Брежнев. При этом конкретные обнаружения этой тоски по идеологии подчас выглядят курьезно. Ответственный и весьма популярный в стране еженедельник под Новый год заявляет: «Без внятной государственной идеологии елка становится скучной». Напрочь забыт прекрасный фильм «Карнавальная ночь», в котором как раз государственная идеология обеспечила в тот новогодний вечер неборимую тяжесть скукотищи. Вице-губернатор Пензенской области Вячеслав Сатин заявил: «Нам нужна новая идеология, новый методологический подход». Знаете ли вы, по какому поводу прозвучали эти слова? Он сказал: «Мы должны ввести план по родам. Вплоть до плана по зачатию!». Честное слово, тут нужен неизбывный талант Игоря Ильинского, который мог бы с непередаваемой серьезностью произнести с экрана эти слова. Суперкомический эффект гарантируем.

Егорова И. А может быть, никакого комизма и не предвидится. «Умное лицо — это еще не признак ума, господа», сказано в популярном фильме. Не будет ошибкой сказать, что началась полоса активной девальвации идеологии под видом оперативного, неумолимого ее возрождения. Идеологию наделяют такими авторитарными смыслами, что кажется, будто политики в очередной раз решили реализовать утопии Оруэлла или Замятина. Она, по замыслу очередных идеологизаторов, должна незамедлительно вторгнуться в личную жизнь людей, мобилизовать их, принудить к единомыслию, к тупой покорности. Летопись идеологии как феномена, ее смысл и предназначение отвергнуты. Однако история наказывает тех, кто не учитывает ее уроки. Идеологизаторы ведут себя так, словно в минувшем столетии не было яростных споров относительно судьбы этого феномена, не сталкивались различные социологические концепции. Невольно вспоминается фраза М. Горбачева: «Относительно плюрализма не может быть двух мнений, он нам нужен».

Гуревич П. Такое простецкое отношение к идеологии особенно поразительно, если учесть, что к ее трезвому осмыслению подключились в конце минувшего столетия и начале нынешнего выдающиеся современные философы, в том числе Поль Рикер, Жак Бодрийяр, Юрген Хабермас, Славой Жижек и другие мыслители. Проблема вовсе не так проста, как кажется на трибуне Государственной Думы. Невольно рождается тревога, не готовы ли мы в очередной раз профанировать важнейшие социальные понятия, прагматизировать их глубочайший смысл и войти в царство абсурда. Упаси Бог, если принудительная сила идеологии коснется столь укромных сфер человеческой жизни, как зачатие. Не приведи Господь, если тоталитарная мощь идеологии будет мобилизована для укрепления властомании.

Буева Л. Надеюсь, в нашем обсуждении мы не собираемся дискредитировать само понятие идеологии? Эту задачу в свое время блестяще выполнил Карл Маркс. Он объявил ее «ложным сознанием». В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса раскрыты такие аспекты теории идеологии, как происхождение идей, дана характеристика так называемого идеологического метода мышления, проведен анализ буржуазной идеологии как ложного сознания, рассмотрена социальная мифология. Вместе с тем в их работах подчеркнута активная роль сознания, субъективного фактора, проанализировано соотношение различных форм общественного сознания.

Егорова И. Это общее суждение требует все же корректировки. Пожалуй, и до Маркса идеология подвергалась унижению. Вообще, надо полагать, первым, кто в Европе пытался последовательно развить и продумать вопросы, непосредственно связанные с раскрытием социальной сущности идеологии, можно считать итальянского мыслителя Н. Макиавелли. В его основном труде «Государь» были изложены серьезные мысли о роли идей в политических столкновениях. В работах Ф. Бэкона были рассмотрены некоторые познавательные особенности теории идеологии. Огромное значение для формирования концепции идеологии имела критика религии как формы идеологического сознания в трудах К. Гельвеция и П. Гольбаха. С XVIII в. «критика идеологии» имела преимущественно моральный характер. Идеология, согласно просветителям, должна изобличать политические институты как средства духовного воздействия на людей, вскрывать сущность религии как способа оправдания несправедливых социальных отношений. Одним словом, предполагалось, что именно идеология имеет шансы противостоять власти, поскольку она выступает в роли теоретического контролера официального государственного курса. Разве сегодня идеология находится в критическом дозоре?

Буева Л. Когда современная власть ратует за возрождение идеологии, она меньше всего имеет в виду критическую функцию массовых идейных процессов. Напротив, она ищет в этом феномене возможность укрепления власти, поддержания единомыслия, порядка, необычайного ресурса воспитания масс в период духовного разномыслия. Нетрудно представить, что общий призыв к идеологизации масс при всех благих и оправданных намерениях может обернуться черносотенными или неоязыческими манифестациями, религиозным фанатизмом, идейной неразборчивостью. «Развязывание» языков и инспирация умов неоднократно приводили к расшатыванию власти, к идейному разброду. Поэтому в конкретной исторической практике нередко полезнее оказывается идеологическое воздержание или явная деполитизация масс. Вопрос в том, какой исторический момент переживает Россия и нужна ли ей сегодня идеология?

Егорова И. И все Людмила Пантелеевна, в жизни каждого народа или страны возникает такая ситуация, когда призыв к единой идеологии оправдан. Могли ли

национально-освободительные устремления получить реализацию, если бы они не были воодушевлены общей идеей свободы? Разве музыка Верди не звала на борьбу против австрийских угнетателей? Могли ли формироваться национальные государства без призывной, рекрутированной идеологии? Неужели приверженцы социалистических идей пришли бы к власти, если бы не стремились внедрить в массы собственные идеи? Выходит, власть всегда рискует, когда призывает к идеологической мобилизации. В истории случается, что ветхозаветный российский национализм на пике собственного акме имеет шанс парадоксально пробудить тягу к европеизации. Идеология русского народа, «русскости» может вызвать к жизни различные национальные «измы». Фундаментальное православие способно вызвать эффект реисламизации. Прежде чем ринуться в пучины идеологизации, надо просчитать и возможные последствия безрассудной индоктринизации.

Гуревич П. Может быть, именно поэтому идеология, как правило, зовет в незнаемое. Неслучайно видный словенский культуролог и социальный философ Славој Жижек отмечает, что «идеологической» социальная действительность становится тогда, когда есть незнание. Это проверенное философское суждение. А ведь отечественные идеологизаторы полагают, что именно утверждение конкретной идеологии обеспечит кристальную мировоззренческую ясность и идеальный порядок. На самом деле носителем незнания являются субъекты данной исторической ситуации. Это можно трактовать так: в любой идеологической ситуации есть «слепое пятно», которое скрывает от человека нечто, безусловно, важное. Так, голый король из сказки Андерсена не ведает, что он голый. В той же мере жертва либерально-демократической идеологии не знает, что свобода, которой он кладет на заклание все свои силы и саму жизнь, с необходимостью оборачивается его закрепощением в том случае, если у него нет достаточного капитала, который позволил бы ему жить, не продавая свою рабочую силу. Он борется за свободу, но не как истекающий кровью, ползущий на баррикаду человек на картине французского художника Эжена Делакруа. Он такой раб свободы, который ползет к прекрасной деве с красным флагом, но приползает всегда в одно и то же рабство, в одну и ту же необходимость отказаться от всякой свободы ради куска хлеба для себя и своих детей. Граждане современной России ощутили это на своей судьбе. А ведь безграничная свобода казалась таким соблазном, что верилось: «иного не дано». Сегодня от этого жаркого энтузиазма осталось только пережеванная правда: «Свобода лучше, чем несвобода».

Буева Л. Жертва либеральной идеологии не знает, что свобода — это совсем не то, что нарисовано на полотне живописца Э. Делакруа. Он проливает кровь не за свободу как таковую, а в основном за свободу собственности, за которую и борется сформировавшийся новый класс во времена Французской буржуазной революции. Он еще не знает, что свобода слова, совести, вероисповедания и пр. — это периферийные свободы, обслуживающие главную: свободу иметь имущество, независимо ни от чего. И ничего плохого нет во всех этих свободах, если у тебя есть собственность. Даже если у тебя ее недостаточно и ты вынужден работать, то ничего плохого нет и для тебя, только ты хорошо должен знать цену, которую лично тебе приходится платить за радость жить в либерально-демократическом обществе. Вот эта изнанка идеологии осознается далеко не сразу.

Егорова И. Значит, логика критиков идеологии не беспочвенна. Не знание, а идеология не может быть универсальной, она всегда что-то упускает, влечет к идеологическому плену. В ходе идеологического просвещения идеология может обрушить самое себя. Кстати, об этом неплохо написал немецкий философ Петер Sloterdijk. Он в своей недавней книге «Критика циничного разума» утверждает, что после внушительной критики идеологии наступает ее смерть. Но тогда на смену ей приходит еще одна форма ложного сознания, которая страшнее идеологии. Имя ей цинизм. Рассчитавшись с идеологией, мы рискуем войти в царство непристойного скепсиса.

Гуревич П. Своевременное предупреждение. Нам, судя по всему, предстоит разобраться в своеобразном духовном феномене, который называется «критика идеологии». Ведь это огромная духовная традиция, к которой, кстати, причастен и Карл Маркс. Родившись в эпоху Просвещения, «критика идеологии» противостоит сегодня любой идейной мобилизации, в известной степени затемняет роль идеологии в истории. В XVIII веке критика идеологии выполняла важнейшую социальную функцию — она была манифестом борьбы. Эта критика не только сокрушала консервативно-самодовольное сознание. Она служила плацдармом, на котором оттачивалась социальная мысль, играла

роль своеобразного духовного тренинга. Именно об этом говорится в книге «Критика циничного разума». В то же время «критика идеологии» утрачивает всякую диалогичность. Он оценивает любого идейного противника как «клинический случай», как патологический феномен. Здесь очевидна опасность идейного фанатизма. Нет необходимости снова приводить известные исторические примеры. Идейная ярость не всегда продуктивна. Чаще всего она губительна.

Буева Л. Но разве такая идеологическая беспощадность не приносит пользу? Расчеты с любым пристрастным мнением, с духовными заблуждениями — неужели не пробуждают ростки нового мышления? Критика идеологии позволяла обнаружить тайные, неявные мотивы противника. Она стремилась представить общественности воспроизводство ложного и несвободного сознания. Разве в наши дни существует такая неистовая диагностика духовных процессов?

Егорова И. Я-то как раз убеждена в том, что такого идеологического фанатизма сегодня предостаточно. С каким напором, к примеру, критикуется в наши дни либеральная идеология! Да, реализация либерального проекта в нашей стране обернулась многими утратами. Да, Конституция РФ 1993 года закрепила ценности либеральной идеологии в качестве общеобязательных, игнорируя иные идеологические ориентиры. Но ведь базовые ценности либеральной идеологии — священность и неотчуждаемость естественных прав и свобод личности (права на жизнь, свободу и частную собственность). Не вытравится ли из общественного сознания в результате такой идеологической агрессии значимость достижений либеральной мысли? Различного рода телевизионные «барьеры» сегодня преследуют единственную цель — перекричать собеседника, сразить его мощью идеологического напора. За всем этим ошутима пагубная потребность в единственно правильной идеологии. Провозвестие диалога как крупнейшего достижения философии минувшего столетия начисто игнорируется. Во всем отыскивается не рациональное зерно, а неистинность и злая воля. Всякое заблуждение квалифицируется как злонамеренная идеология. Но при этом в идейном багаже не оказывается собственно никакого позитивного содержания.

Гуревич П. Это и дает основание мыслителям указать на нынешнее онаучивание идеологии. Она выступает теперь во всеоружии теоретической серьезности, апеллируя к марксизму, психоанализу, постмодернизму, синергетике. Развертывается холодная война сознаний. Но беда в том, что никто никого не слышит. Критика идеологий, став серьезной, подражает в своем подходе хирургии: она стремится вскрыть пациента скальпелем критики и, надлежащим образом все продезинфицировав, оперировать. Стиль аргументации при критике идеологии — от критики религии в XVIII столетии до критики национализма в XX веке — характеризует поза обличителя. Повсюду разоблачаются внерациональные механизмы, порождающие мнения, — интересы, страсти, фиксации, иллюзии. Однако на деле число социальных мифов множится.

Буева Л. Изобличение иллюзий — разве не в этом миссия социального мыслителя, идеолога? Власть стремится узаконить свое первородство именно с помощью социальных мифов и фальсификаций. Она уже научилась адаптироваться к массовым иллюзиям. Здесь и обнаруживается потребность в «критике идеологии». Идеология по самому своему призванию борется с инакомыслием, с нетривиальным подходом к общественным процессам. Она догматична и направлена против всякого творчества.

Егорова И. Нет сомнений в том, что идеология стягивает все мыслительное, духовное богатство к обоснованию одной «правды», одного «голоса». Она создает всечеловеческую стилистику, но выражает ограниченную точку зрения. В том-то и дело, что и «критика идеологии» демонстрирует, в конечном счете, формальное многомыслие. Да, идеологии свойственно фанатичное деление мира на фатально противостоящие друг другу системы идей. Отсюда гневное осуждение универсального человеческого опыта. Но не подпадаем ли мы при этом в скромное обаяние «критики идеологии», которое не позволяет развернуться полноценному духовному диалогу, подменяя его множеством автономных голосов?

Гуревич П. Между прочим, Жижек не соглашается со Слотердайком. Смысл идеологии, считает он, состоит не только в «думаний». Если бы это было так, то тогда «критика идеологии», раскрыв все карты обмана, привела бы к краху «ложного сознания». Тогда не было бы в мире больше никакого идеологического принуждения и эксплуатации. Но дело в том, считает Жижек, что идеология гнездится вовсе не на уровне «думания», а на уровне «делания», что (в его терминах), идеология — это не симптом, а фантазм; значит, понять, что тебя обманывают, вовсе недостаточно для того, чтобы не быть

обманутым вновь. Сколько бы ни разоблачали идеологию, она способна торжествовать вновь, хотя все ее секреты давно изведаны. Не раз в истории западного мира заявляли об окончательном крахе и гибели идеологии как феномена. Не раз в этой истории ее триумф возобновлялся. Политик, претендующий на значительные социальные перспективы, просто по определению не может обойтись без идеологии.

Буева Л. Да, французский философ Поль Рикер полагает, что в понятие «идеология» не следует вкладывать тот уничижительный смысл, который придавал ему Маркс. Такая трактовка сложилась через призму классовой борьбы, которая требовала искажения реальности. Это, согласно Рикеру, партикулярная характеристика идеологии. Идеология, считает он, не обязательно является «ложным сознанием». Правильнее связывать с ней особый метод мышления, типичный для французского Просвещения. Для мыслителей этой эпохи, таких, например, как Дестют де Траси, идеология означает теории или доктрину идей. Именно Наполеон впервые употребил это слово в негативном смысле, назвав «интеллектуалов» и «идеологов» своими врагами. Возможно, современная власть имеет в виду именно это — позитивное — толкование идеологии?

Егорова И. Само слово «идеология» впервые ввел в употребление А. Дестют де Траси в 1796 году. На рубеже XVIII-XIX веков поздние просветители превратили учение об идеях в морально-политическую доктрину, подчеркивая активный характер, практическую значимость идеологии. Деятели того времени пытались теоретически осмыслить, как философские идеи влияют на политику. В частности, П. Кабанис полагал, что именно идеи оказывают наибольшее влияние на общественную мораль, которая рассматривалась им в качестве источника политических страстей.

Гуревич П. Да, именно в тот период группа французских экономистов, философов, естествоиспытателей (А. Дестют де Траси, П. Кабанис, Э. Кон-дильяк, К. Вольней, Ж. Гара) использовала новое слово «идеология» для обозначения теоретической дисциплины, призванной заниматься изучением генезиса и функционирования идей. Термин «идеология», таким образом, первоначально означал «науку об идеях». Эти мыслители предполагали создать особую философскую дисциплину, призванную изучать методологические основы всех наук. Идеология как самостоятельная наука должна была, по словам П. Кабаниса, иметь в настоящем или будущем непосредственное приложение к изысканиям и работам мыслителя, моралиста и законодателя. Какой парадокс подготовила история! Слово «идеология», придуманное специально для обозначения трезвого, беспристрастного мышления, стало затем синонимом обмана и фальсификации социальной правды.

Буева Л. Коллеги, можно ли предполагать, что эта традиция, согласно которой идеология считалась теоретической основой общества, была затем утрачена? Идеология в нашем сознании долгое время отождествлялась с разного рода мистификациями, мифами, иллюзиями, которые лишь затемняют общественное сознание. Немецкий философ Юрген Хабермас даже писал так: «идеология является бытующей мистикой». «Критика идеологии» составила целый этап в истории западного мира. Французский философ Жак Лакан доказывал, что человеческое сознание вообще является «ложным» уже на доречевой стадии своего развития. В дальнейшем, по его мнению, самоотчуждение индивида нарастает в связи с расширением сложности символических систем, в которые он включается. Так, человек все более и более, по словам Ж. Лакана, охватывается «идеологическим».

Егорова И. Но хорошо известно, что разоблачение идеологии продолжалось в течение десятилетий. Не в этом ли смысл концепции деидеологизации философской и социально-политической концепции, которая получила широкое распространение на Западе в 50-х и 60-х гг. прошлого столетия? Ее основоположники провозгласили «закат идеологии», устранение идеологии из обществоведения, политики, повседневной жизни. Деидеологизацией называют также направление теории, политики и практики, которая отвергает односторонне классовый, предельно идеологизированный подход к анализу и оценке социально-политических феноменов и процессов и отдает приоритет общечеловеческим интересам и ценностям перед классовыми и групповыми.

Гуревич П. Это недолгое идейное поветрие было вызвано докризисным процветанием западного мира. Тогда казалось вполне естественным представление о том, что в благоустроенном обществе, где отлажены экономические, политические, социальные процессы, нужды в идеологии нет. Возникает совсем иной запрос: нужны специалисты, которые контролируют каждое звено общественной жизни, предлагают продуманные общественные решения. В самом деле, кому станут верить люди —

социальному мыслителю, специалисту, который предлагает «от имени науки» взвешенное и продуктивное суждение, или политику, который изо всех сил стимулирует «ярость масс»? Мода на харизматиков стала утрачиваться. На вершинах власти оказались самые заурядные политики, не поражающие избирателей ни умом, ни личностными качествами, ни моральной стойкостью. Пришло время технократов. Они прониклись мыслью, что с помощью индустриального переворота, искусной социоинженерной экспертизы и тотального планирования в национальных масштабах можно не только обеспечить благосостояние людей, но и значительно ускорить темпы социального прогресса. Технократы внедряли в общественное сознание представление о том, будто социальная ткань податлива и мягка. Она может выкраиваться по идеальному стандарту, подсказанному наукой. Эта идея родилась в сознании технократов, высококвалифицированных специалистов в бизнесе, в организации производства, планировании досуга. Укоренившись в различных звеньях общественного организма, эксперты, естественно, были убеждены в своей необычной миссии.

Буева Л. Но что же заставило социальных мыслителей так стремительно отмежеваться от концепции «идеологизации», которую они сами же пестовали? Я полагаю, что идеологизация выражала некий мираж, иллюзию. Ведь монетаризм сам по себе тоже является идеологией, разве не так? Формально он сводится к набору экономических экспертиз и рекомендаций. Но при этом исходит из широкого круга мировоззренческих проблем — трактовка смысла жизни, ориентировка поведения, ценностные идеалы, инспирация рыночных оценок в тех сферах жизни, где они недопустимы. Любовь в рыночном обществе предлагается в качестве товара, дружба — как выгодные партнерские отношения. Разрастаясь в качестве чисто экономической модели, монетаризм стал обогащаться многочисленными идейными сюжетами. Так на фоне идеологической пустоты утвердилась «новая идеология жизни».

Егорова И. В идейной жизни этот процесс вызвал обновленную веру в идеологию. Смысл новой концепции — реидеологизации — обозначен приставкой «ре», предполагающей возрождение идеологии, усиление ее роли в современном мире. В начале 1970-х годов ведущие теоретики «реидеологизации» (Р. Арон, Д. Белл, О. Лемберг, Р. Нисбет и др.) объявили, что в современном мире происходит бурное обновление духа, обнаружены и задействованы дремавшие до сих пор мировоззренческие ресурсы, укрепляется утраченная в минувшие десятилетия вера в мобилизационную мощь идеологии капитализма. Ныне реидеологизация трактуется как развернувшееся массовое приобщение широких слоев населения к идеалам и ценностям современного потребительского общества.

Гуревич П. Уже полвека назад социологи писали о том, что процесс реидеологизации находится у самых своих истоков. Его успешному развитию может содействовать некоторая критика капитализма, стремление придать ему более четко выраженные «неоконсервативные» (Д. Белл), «неолиберальные» (Д. Уилхелм) или умеренно радикальные очертания (Ж. Леметр). Но социальная практика столкнулась с неразрешимыми для нее проблемами. Можно ли действительно говорить об «исчезновении идеологий»? Могут ли вообще затихнуть политические страсти, если современное общество чревато внутренними катаклизмами? Каково мировоззрение тех, кто объявляет себя противником идеологии? В самом деле, могут ли отдельный человек или общество в целом обойтись без целостной картины мира? Важно отметить, что многие западные социологи, в их числе Р. Миллс, И. Горовиц, Н. Бирнбаум, Дж. Лаполамбара, еще до того как самих поборников деидеологизации стали одолевать сомнения, показали уязвимость этой концепции. Они раскрыли конкретные противоречия, присущие ей. По справедливому замечанию Р. Фридрикса, концепция «деидеологизации» превратилась самым катастрофическим и фатальным образом в своего рода «социологический курьез».

Какова ее роль в современном мире?

Буева Л. Не забавно ли, что в роли инициаторов концепции реидеологизации выступили те западные исследователи, преимущественно социологи, которые активно пропагандировали созданную ими концепцию деидеологизации? Р. Арон, З. Бжезинский, Д. Белл, С. Липсет, Шилз. Теперь все они стали говорить, что, в сущности, они всегда были реидеологизаторами. Беда лишь в том, что научная общественность не сумела оценить утонченность их мотивировок. В результате, мол, появились упрощенные, а

подчас и извращенные версии тех воззрений, которые исповедовали указанные авторы. Словом, их не поняли, неверно прокомментировали и т. п. Р. Арон уже в конце 1960-х годов объявил, что «закат идеологии» стал анахронизмом. По его мнению, мы живем в век «разрастающейся и углубляющейся идеологизации». З. Бжезинский утверждал, что сегодня выигрывают те общественные силы, которые обращаются к массовым идеалам, учитывают потребность людей в ценностных ориентациях. Поиск воодушевляющих истин больше уже не рассматривался как «ненужное доктринерство», как «дань абстрактному и бесплодному гуманизму». Напротив, идеологи, социологи и политологи стали настаивать на том, что люди испытывают весьма сильную, трудно насыщаемую потребность в идеях, мотивирующих их поведение.

Егорова И. Мне кажется, что реидеологизаторская волна имеет некоторые общие черты. Все теоретики, придерживающиеся новой тенденции, говорят о возросшей роли идей в современном мире. Смысл этих умонастроений весьма отчетливо выражен в афоризме: «Человеку идеология нужна как воздух». Все реидеологизаторы, независимо от конкретных ориентации, придерживаются единой платформы: они убеждены в том, что мир крайне нуждается в новых мировоззрениях, ибо прежние утратили способность быть средством социальной ориентации. Всем «реидеологизаторским» направлениям присуще мессианство, вера в собственную историческую миссию, в то, что именно данное конкретное воззрение явится прологом к новой фазе человеческой истории. Отсюда проекты «глобальной идеологии», оцениваемой уже позитивно, как факт, отражающий общественные потребности. Реидеологизаторы ищут ядро «новой идеологии», некое наиболее важное устремление, которое способно сообщить энергию и привлекательность новому мировоззрению.

Гуревич П. Зерно возникающей «глобальной идеологии» Т. Парсонс усматривал в «религии всеобщей любви», Э. Фромм — в «революции надежды», Т. Роззак — в «старом гнозисе», т. е. возрождении шаманистики, магии, первобытной фантазии. Сообщалось, что новое мировоззрение, столь нужное современному миру, будет свободным от односторонности. В этом новом духовном образовании будут интегрированы разные тенденции, гармонизированы интересы разных социальных групп. Реидеологизация — сложное и многоплановое явление. Она взята на вооружение различными идейно-политическими течениями современного мира. Возникновение данной идейной волны отразилось на всех направлениях западной мысли, трансформировав и либерализм, и консерватизм, и леворадикальное сознание. В этом русле лежат попытки буржуазных партий (республиканской и демократической в США, лейбористской в Англии и др.) опереться на обновленные политические программы, укрепить свой престиж. И чем же все это завершилось? Идеология оттеснила науку, философию. Началась полоса безраздельной идеологизации всей социальной жизни. Идеология окончательно короновала себя в современном мире. Нет такой сферы существования, будь то конкурсы красоты или спортивные состязания, политические распри или расшифровка генома, которая не оказалась бы идеологизированной. Почитайте работы современных генетиков. Их волнуют уже не только тайны природы. Они готовы выступить и в роли социальных реформаторов.

Буева Л. Мы подвергли осуждению идеологию и ее критику, крах идеологии и реидеологизаторскую волну. Каков же «сухой остаток»?

Егорова И. Он как раз в том, что опасно браться за новое идеологическое творчество, не усвоив уроки истории. Можно ли считать, что концепция де-идеологизации полностью несостоятельна? Это было бы упрощением проблемы. Ведь остается в силе предположение, что главная задача власти состоит вовсе не в том, чтобы представить народу развернутую идеологию. Ей предстоит, прежде всего, использовать достижения социальной философии и организовать общественную жизнь с учетом достижений экономики, социологии и других сфер гуманитарного знания. Запрос на идеологию, безусловно, отражает неспособность власти сохранить себя без использования социальной мифологии. Либеральная власть в нашей стране полагала, что она реализовала запрет на огосударствление идеологии. И в этом был исторический смысл. Трудно было в тех условиях обеспечить переход страны к новому жизненному укладу без серьезных расчетов с авторитарным наследием, без оценки возможной идейной заразы, которая находит свою опору то в национализме, то в неоязычестве, то в воинствующем атеизме.

Гуревич П. Да, любая политическая сила, придя к власти, начинает уже не разоблачать идеологию как феномен, а укреплять собственные идеологические позиции. Именно поэтому, мне кажется, нет особого смысла разоблачать концепцию

деидеологизации. Не зря говорится, что из мертвого тела философии XIX века явились на свет современные науки теории власти, такие как политология, теория классово-борьбы, технократия, витализм — в любом обличье вооруженные до зубов. Не точнее ли предположить, что в исторической общественной практике иллюзии и парадоксы деидеологизации время от времени сменяются грезами реидеологизации? Ни та, ни другая концепция не могут претендовать на универсальность. Убеждение в том, что без идеологии общество существовать не может, зачастую сменяется резким разоблачением господствующих социальных мифов.

Буева Л. В современной России реидеологизаторская тенденция выражена весьма отчетливо. Она находит отражение и в поисках «национальной идеи», и в стремлении построить национальное патриотическое государство, и в желании приобщить страну к достижениям мировой цивилизации, и в желании выстроить протекшую историю по лекалам современных властных полномочий. Мне кажется, что огромные усилия, которые прилагаются к разоблачению деидеологизации, отвлекают от главной задачи — поисков позитивных идеологических ресурсов. Ведь чаще всего политики и эксперты говорят не об идеологии, а о социальном проекте.

Егорова И. Опасность идеологии вообще обнаруживается в том, что она отчуждает реальность. Благодаря социальной мифологии люди погружаются в мир грез, абсурда, живут в галлюцинаторном мире. Это отвечает интересам власти, которая не справляется с действительными общественными проблемами. Идеология, как только она оформилась в качестве специфического явления, вызвала высокомерное отношение к жизни, здравому смыслу, историческому опыту, не освященному духом «научности». Она предстала как некое, внесенное «сверху» сознание, которое навязывается массам или целым народам подчас вопреки здравому опыту, житейской практике. Вся история с «раскрестьяниванием» разве не наглядная иллюстрация противостояния тысячелетнему уникальному опыту сельчан? Наконец, разве сама принудительность идеологии, которая насаждается, усваивается, закрепляется, не служит мостиком к тоталитаризму?

Гуревич П. В то же время очевидно, что приход к власти В.В. Путина и артикулированная им идея сохранения сильного российского государства отражала назревшие социальные тенденции. Мне кажется, что наша страна упустила возможность ясной и убедительной философской трактовки этой идеи. Понятное дело, что ссылки на две-три цитаты И.А. Ильина не могли заменить эту задачу. Нам явно не хватило полноценной дискуссии о предпосылках «нормальной государственности», о сущности и механизмах государственной власти, о праве и правосознании, о правопорядке. Дефицит проблемной сложности этой темы, сублимированной цитатностью, не позволил придать данной исторической ситуации мировоззренческой напряженности. Прояснение национального самосознания незаметно превратилось в обыкновенную апологию власти.

Буева Л. Я согласна с тем, что идеология только тогда обретает жизненность, когда она отражает назревшие общественные тенденции, поддерживается народом, закрепляет энтузиазм масс. Важно не только озвучить назревшую идею, но придать ей также историческую объемность. Между тем «программа Путина» на протяжении двух десятилетий не обрела социологической и теоретической конкретности. Под нее неизменно подвёрстывались различные аспекты политической конъюнктуры. Президенту удавалось создать иллюзию полного единомыслия с каждой конкретной идеологической стратегией. Разномыслие стало мимикрировать в показное единство.

Гуревич П. Давайте поставим вопрос: при каких условиях сомнительное значение слова «идеология» не будет бросаться в глаза несмотря на то, что оно, в конце концов, вытекает из самой дефиниции? В качестве отправной точки анализа можно взять положение Макса Вебера о социальной интеграции. Немецкий философ действительно дает относительно исчерпывающее объяснение социальных отношений, не ограничивая его двумя понятиями — господство и конфликт. Именно на уровне такой осмысленной, сориентированной на другого члена общества и социально интегрированной деятельности феномен идеологии приобретает свое первоначальное значение. Особенно подчеркнем понятие «социально осмысленного поведения».

Буева Л. Да, к сожалению, современные события не осмысливаются. В самом деле, ведь постижение смысла происходящего предполагает обращение к социальной памяти и вместе с тем воссоздание определенного образа этой памяти в форме уже опосредованного отношения к реальным фактам прошлого. При опосредованном отношении к «основополагающим событиям» проявляется четкая тенденция к замене убеждения простым одобрением, логическим обоснованием, иначе говоря,

рационализацией, если воспользоваться психоаналитическим термином. Идеологи, по сути дела, дают ответ на все сомнения, возникающие между прошлым и настоящим. Идеология не просто отражает некие основные силы, она принадлежит к символической сюжетике группы, связывает перспективу и память.

Егорова И. Все идеологии схематичны и упрощены. Это своеобразный тип кода, который позволяет социальным группам иметь всеобъемлющую точку зрения на самих себя, на историю и, в конечном счете, на весь мир. Кодового характера идеологии невозможно избежать, поскольку механизм ее воздействия направлен на обработку общественного мнения, которое скорее поддается управлению, нежели мышлению. Эта замена мышления мнением и является идеологическим феноменом. Идеология апеллирует к «измам» — либерализм, социализм, гуманизм. Пристрастие к лозунгам обнаруживает родство между риторикой и политикой, хорошо известное греческим и латинским мыслителям.

Гуревич П. Я хотел бы привести исторический пример такой подмены, который, пожалуй, не осмыслен до конца социальными философами. Дело в том, что концепция деидеологизации создавалась от имени научного сознания. Власть на самом деле оказалась некоторое время распыленной между политиками и технократами. Политикам приходилось осваивать научную лексику, убеждая массы в том или ином социальном решении. Но сегодня роль научной технократии стухедалась. Политики все реже обращаются к голосу специалистов. Власть не слышит экспертов. Политическое решение отражает все что угодно, только не теоретически оправданное действие. Политик более чутко отзывается на социальную конъюнктуру, которая позволяет ему удержать власть.

Буева Л. Мне кажется, что это происходит во всем мире и у нас, в России. В нашей стране в Общественном палате во время слушаний «проклюнулась» такая неожиданность. В органах государственной власти и в силовых структурах не хватает 17 тысяч аналитиков. Может быть, власть не интересуется мнением тех, кто способен дать серьезный аналитический разбор закона, который готовится к обсуждению. Но не исключено, что кто-то предумышленно нейтрализует важнейшие блоки трезвой, обоснованной информации. Если бы аналитики были допущены к расчетам денежных средств при финансировании «Роснано» и «Сколково», безудержных растрат не произошло бы. На самом деле, осознание ненужной роскоши при обеспечении проектов обнаружено уже Счетной палатой. Кажется, все оправдано. Избыточность средств установлена. Один социальный институт скорректировал другой. Но где же участие специалистов, аналитиков?

Егорова И. Полагаю, что разгром Академии наук был бы остановлен, если бы в обществе был запрос на научную экспертизу. Более того, в обоснование этого разрушения толковали о том, что наука оказалась несостоятельной в тех или иных случаях, когда к ней обращалась власть. В печати не раз отмечали, что прогнозы и оценки С. Глазьева, М. Делягина, М. Хазина, В. Лепского, О. Смолина, В. Бабкина, Л. Ивашова, видных представителей Российской академии наук и Академии военных наук подтверждали неоднократно свою состоятельность.

Гуревич П. Мне лично нравятся социальные экспертизы, которые принадлежат ректору Байкальского государственного университета экономики и права профессору Михаилу Винокурову. Возможно, они не безупречны. Однако почему они не становятся предметом критического разбора? Это чисто идеологический казус: не обращать внимания на то, что не востребовано политическим мнением. Могут возразить: еще в декабре 2001 года Президент России дал Академии наук и научному сообществу серьезное задание: обеспечить независимую экспертизу принимаемых государственных решений и прогноза аварий, бедствий и катастроф в природной, техногенной и социальной сферах. Разве это задание было проигнорировано? Ничего подобного. Подготовленные экспертизы не получили ни поддержки, ни одобрения. Нельзя же, в самом деле, считать ликвидацию Академии наук своеобразным откликом на проделанную работу. Касаясь проблемы возможных корректив Конституции РФ, В.В. Путин в Послании Президента Федеральному Собранию РФ, отметил: «Современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение». Но разве у нас есть опыт широкой общественной дискуссии по социальным вопросам? Где тогда хотя бы перечень проблем, которые требуют аналитического обсуждения?

Буева Л. Дело даже не в том, что нет обсуждений и дискуссий. Они есть. Вот состоялась очередная ассамблея Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Собрали лучшие умы страны. Значима и тема «Человеческий потенциал России: как сохранить и приумножить?». На этом заседании политолог В. Третьяков заявил, что никаких инноваций на основе реформы образования не будет никогда. Их нет за последние 20 лет, и в ближайшие 120 лет, если будет продолжаться эта реформа, не будет. Разве кто-то в стране сомневается в точности этих выводов? Однако многие газеты напечатали эти слова как «особое мнение». Зачем тогда иллюзия обсуждений? Чтобы создать идеологическую видимость серьезной проработки проблемы, обмена мнениями. Механизм идеологии действует как бы за нашей спиной.

Егорова И. Участие в историческом процессе предопределяет невозможность абсолютного знания. Политика все чаще обращается не к экспертизе, а к феномену целесообразности. Но целесообразно далеко не все, что научно. Трезвая оценка реальности может обеспечить социальную динамику. Идеологическая экспертиза действительного состояния общества рискует обеспечить временную стабилизацию. Но она всегда проигрывает в исторической перспективе. Не провоцирует ли это появление новых этажей «ложного сознания»? Так рушится вековая мечта социальных мыслителей — придать социальному развитию державную теоретическую оснастку.

Гуревич П. Сегодня можно зафиксировать явную избыточность идеологий. Идеологизируется все — от социальной политики до новейшего научного открытия. В политической практике прошлого обнаруживались контрверзы либеральной, консервативной и радикальной идеологии. В наши дни картина чрезвычайно усложнилась. Мы оказались в сложном спектре идеологических воззрений. Всеохватная идеологизация глобализма вызвала к жизни антиглобализм. Побочным продуктом глобализации явилась идеология космополитизма, для которой «отечество сердца и воображения» (выражение В. Ключевского) оказывается там, где хранятся банковские вклады. Мощная тенденция к национальному нивелированию, к глобализации сознания наконец-то породила контртенденцию.

Буева Л. Это действительно так. Миллионы людей испытывают потребность в собственной национальной укорененности. Казалось бы, поиск идентичности, охвативший едва ли не все страны, мог носить лишь общекультурный характер. На самом деле, он оказался предельно идеологизированным. В японской культуре, например, для обоснования героической судьбы страны даже персонажи давних мифов используются как реальные исторические фигуры. Поводом для неизбывного национального самовозвышения может служить даже победа сборной страны по футболу.

Егорова И. Такая же задача, по сути дела, поставлена перед создателями нового учебника по истории. В нем особую ценность приобретают «достойные» события, сомнительное отсекается или просто игнорируется. Таким образом, устраняется мудрая мысль Гегеля о том, что в истории особую ценность обретает поучительное, будь это победа или поражение. Поиск самоидентичности уже вызвал национальные войны, бесчисленные конфликты, неустрашимые катастрофы. Прогноз З. Бжезинского ныне выглядит просто пародийным: «...преодолей в себе голос крови на базе новейших научных достижений...»

Гуревич П. При такой идеологической креативности невольно закрадывается мысль: а может быть, для матушки-Истории этот азарт, социальный кипятилок, «нас возвышающий обман» важнее, нежели здравый смысл, точный экспертный прогноз? В идеологии всегда присутствует жар, клочкотанье иллюзий, страстей. Может быть, идеология и есть локомотив истории? Не исключено в то же время, что она способна породить уныние и позор через беспощадное столкновение с реальностью, растрату жизненных сил, исторический проигрыш? Разве призрак коммунизма не прервал безоговорочное развитие России в начале минувшего столетия? Не обернулся ли блистательный и победоносный пафос фильма, с которого мы начали наше обсуждение, историческим провалом Германии?

Буева Л. Но где же эти страсти в современных дискуссиях об идеологии? Читаю одного публициста. Вот установки придуманной им «интеллектуальной игры»: 1) Идеология должна подходить большинству населения России. Желательно, чтобы в ней присутствовала мысль об улучшении экологии земли. Не нужно предлагать коммунизм, его не воспримут; 2) Идеология должна быть простой и понятной каждому. Люди должны понимать и знать, что надо делать. Не нужно предлагать всем выучить ядерную физику и сплотиться вокруг идеи, что у нас любой охранник понимает уравнение Шредингера.

Народ просто не потянет такие закидоны; 3) Желательно, чтобы идеология была как-то подкреплена исторически. Пусть с натяжками, с выдумками и переставленными акцентами, но исторические примеры, что мы едины и правы в своей идеологии, должны быть обязательно. Историкам не впервой такое делать, пусть что-то придумают; 4) Ну и самое главное, у идеологии должна быть великая, но в то же время простая и понятная цель. Например, построить рай в отдельно взятой стране, построить космический корабль и улететь на фиг, заселить Россию слонами... Предлагайте, обсуждайте. Прошу только без личностей. И еще думаю, что для выполнения идеи должна быть четкая программа действий».

Егорова И. Да, впечатляющие технологии энтузиастов срочной идеологизации! Показательно, что здесь нет ни одной реальной проблемы. И это в стране, где экономика не развивается. Коррупция не слабеет. Законность становится волюнтаристской. Назревают межнациональные конфликты. Может быть, назревает некий социальный поворот, смена курса?

Что принесет нам консервативная идеология, взятая сегодня на вооружение?

Гуревич П. В.В. Путин заявил о приверженности страны консервативной идеологии. Недавнее обращение к Федеральному Собранию только подчеркнуло этот факт, указав на то, что и дальше Россия будет двигаться в этом направлении. В эти дни эксперты обсуждают эти слова президента. Началось обсуждение неоконсервативного драйва.

Буева Л. Все же слова «консерватизм» президент не произносил. Он поступил как настоящий идеолог. Явление обозначено, но строго не зафиксировано. Можно полагать, что речь идет в первую очередь о положительной оценке исторической традиции. Нетрудно также осознать, что, демонстрируя приверженность стабильным ценностям, президент позиционирует себя как политического лидера, способного указать Европе на те ценностные установки, которые неприемлемы для России. Мы не станем пропагандировать однополые браки, толерантное отношение к распаду семей, отречение от национально-культурных корней народа. Политико-национальная история государства и нации оказывается в этом контексте образцом для подражания.

Егорова И. Идеология невозможна без мессианства. Приверженность консерватизму означает обозначение исторической миссии России, которая может сегодня взять на себя роль глашатая консервативных ценностей. Но здесь мы сразу наталкиваемся на известное противоречие. С одной стороны, мы хотим остаться вместе с Западом, считаем себя европейской державой, придерживаемся либерального курса в экономике, а с другой — делаем внушительный шаг в сторону от Европы.

Гуревич П. Ценности консерватизма исповедует сегодня не только Россия. Они мобилизуют многочисленных сторонников и на Западе. В наших обсуждениях мы неоднократно ссылались на книгу Патрика Бьюкенена «Смерть Запада». Он писал о том, что народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. Нынешний кризис, по его словам, грозит уничтожить западную цивилизацию. Кроме вымирания населения, Западу угрожает массовая иммиграция людей различных цветов кожи, верований и культур, иммиграция, которая ставит под сомнение культурную целостность Запада.

Буева Л. В.В. Путин подкрепляет свои суждения ссылкой на Николая Бердяева. Здесь мы сталкиваемся с удивительной идеологической особенностью. Если прежде апелляция к тому или иному идейному течению предполагала некую целостность, стремление подчинить все проблемы одному мировоззрению, то сегодня политику вполне достаточно взять из мировоззрения одну мысль, одну ссылку, игнорируя сложность всего концептуального единства. Идеология — это не цитата, а определенный курс. Но Бердяев как раз и подчеркивал, что не следует понимать консерватизм исключительно как лозунг в политической борьбе.

Егорова И. Несомненно, русский философ писал о консерватизме как об одном из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества. Он считал, что невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества без

консервативных сил. Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи. Настоящее, прошлое и будущее связываются в глазах консерватора в единый целостный проект, направленный к ясной национальной цели.

Гуревич П. Консерватизм, по словам Николая Бердяева, имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, связывает себя с историческими корнями. Вместе с тем русский философ отмечает, что не всякий консерватизм сам по себе хорош. В наших условиях мы можем легко окрасить в радужные цвета, скажем, период застоя. Но истинный консерватизм не лишен преображающей энергии. Традиция и предание вечно хранятся, сохраняя преемственность. Есть творческий консерватизм. Но есть и ложный, косный консерватизм, который не понимает творческой тайны прошлого и ее связи с творческой связью грядущего.

Буева Л. Сегодня под знаменем консерватизма творится «выпрямление» истории. Усилиями специалистов мы создаем видимость узаконенной истории. Но ведь правда консерватизма есть правда историзма, правда чувства исторической реальности. Я согласна с тем, что отрицание исторической преемственности и разрушение исторической реальности, нежелание знать живой исторический организм — это идеологическое предательство консерватизма. В историческом космосе образуются и устанавливаются качества, неразложимые и неистребимые в своей онтологической основе. Однако не разрушается ли эта историческая правда в едином учебнике по истории, где все исторические события подгоняются под приемлемый стандарт?

Егорова И. История не творится по заранее обдуманному плану. В ней есть и величие, и позор, обретения и утраты. Пройтись катком по истории — дело нехитрое. Но каковы несомненные выгоды от этой идеологической затеи? Историю невозможно выпрямить, сгладить. Есть внушительные исторические примеры, когда силы, пришедшие к власти, начинали «выравнивать» историю. Например, Тюдоры в Англии, укрепившись на троне, так извратили реальную историю, что от нее остались лишь одни мифы. Подлинные события толковались так, как это было угодно триумфаторам.

Гуревич П. Вполне очевидно, что смысл консерватизма не в том, чтобы препятствовать движению вперед. Хаотическая, бесформенная тьма сама по себе не есть еще зло. Но она становится им, когда ее пробуют санкционировать. Однако всякая идеология сильна, если она рождается в недрах общественного сознания. Разумеется, консервативные тенденции разделяются в наши дни многими людьми. Бесконечное реформирование всех сторон общественной жизни, гонка капиталистической конкуренции, стремительная смена образа жизни не могут не вызывать в народе тоску по прошлым устоям жизни, по порушенной традиции. Однако было бы ошибкой поддерживать эти настроения в силу политической конъюнктуры. В смутные консервативные настроения идеолог обязан вносить упорядоченность, ясность. Важно отделить реставраторские настроения от естественной реакции населения на стремительный бег преобразований. Однако настоящего идеологического творчества сегодня нет. Власть заинтересована не в том, чтобы прояснить назревшие общественные тенденции, а в том, чтобы поставить их на службу идеологизированной злобе дня.

Буева Л. Сегодня много говорят и пишут о том, чтобы закрепить в Конституции Российской Федерации духовный суверенитет православия. Сразу возникает множество вопросов. Чья эта идея? Отражает ли она назревшие потребности населения страны? Кто предложил прописать в Конституции особую роль православия? Идея, оказывается, принадлежит рабочей группе, которая была создана по итогам конференции «Триумф и крушение империи», которая прошла в Манеже в ноябре минувшего года. В ней приняли участие депутаты, известные общественные деятели, видные политологи и историки. Конференция попыталась дать ответ на вопрос: почему после 300 лет правления Романовых, которые привели Россию к триумфу, все закончилось катастрофой 1917 года? Вероятно, краху России содействовало множество факторов. Но не последняя роль принадлежала духовному фактору.

Егорова И. Сейчас в Основном Законе нет ни слова о том, что Россия является страной православной. Само собой понятно, что нет оснований отрицать определяющую роль православия в становлении российской культуры и государственности. Оно действительно может рассматриваться как основа нашей национальной идентичности. Участники конференции говорили о том, что православие — это и есть основа нашей национальной идеи.

Гуревич П. Есть ли аналогичная строка в Конституциях других стран?

Буева Л. Да, в Конституциях многих европейских стран есть упоминание о ее христианских ценностях. Хотя бы на уровне декларации значительная часть Европы объявляет себя христианской цивилизацией. Например, в Конституциях Норвегии, Дании, Польши есть упоминания о христианстве. Ныне действующая конституция Ирландии начинается со слов: «Во имя Пресвятой Троицы». Если же напомнить об Англии, то главой церкви там является глава государства. Религиозная ориентация прописана в конституциях нескольких десятков мусульманских и буддистских стран.

Егорова И. Нет сомнений в том, что для укрепления идентичности России возвышение православия необходимо. Но консерватизм не сводится только к укреплению веры. Вообще консерватизм, как и всякая идеология, предполагает некую связность сюжетов. Идеология не может сводиться к перечню лозунгов. Если речь идет о приверженности традиции, то сразу возникает вопрос: не эксплуатируется ли тоска по коммунизму? Есть ли тут некая демаркация? Такая трактовка консервативного курса скорее могла бы называться «реставрацией». Вряд ли приемлема также либерально-демократическая модель консерватизма. А ведь наша экономика базируется именно на этом фундаменте. В нашем обществе оживились монархические идеи. Может быть, предполагается возрождение монархии? Но тогда консерватизм не сможет связать воедино историческую преемственность — не укладывается в эту модель ни советский, ни либерал-демократический этапы нашей истории. Если они утрачиваются, от консервативного проекта остаются одни вычерки.

Гуревич П. Есть еще один важный концепт, который требует привязки к консервативному курсу. Как совместить евразийство с идеей всеславянства в современном политическом курсе? Уж если речь идет о сохранении православнообщинных социальных традиций, то здесь европейская идентичность очевидна. Предполагается возникновение новых государственных образований и новой их организации, основанной на цивилизационном принципе, то есть на принципе культурно-исторического типа (по Н. Данилевскому). В православно-славянском союзе могла бы реализоваться славянофильская идея общеславянского объединения. Что касается евразийства, то оно основывается на мозаике славянских, тюркских и угорских племен, через Киевскую и Московскую Русь к Великой империи. Как можно сегодня помыслить русско-китайско-таджикско-казахское родство?

Буева Л. Не складывается ли у вас, коллеги, впечатление, что власть вынимает из идеологической колоды то одну, то другую карту с учетом политической конъюнктуры? Но в идеологической практике это чревато неожиданными последствиями. Мы видим, что в отличие от науки идеология характеризуется не рациональными доводами, а лозунгами, призывами к чувствам, ссылками на авторитет. Она вдохновляется традициями, желаниями, предрассудками, легендами. Идеологии не присущи принципы научной жизни, объективности, пересмотра своих выводов, постоянной критики и аналитического сопоставления возможных точек зрения. Наука полагает, что одни идеи более истинны, нежели другие. Для идеологии истина важна, поскольку ее утверждения связаны с социальными интересами.

Егорова И. В нашем обсуждении мы, пожалуй, упустили тему многообразия идеологий. Отдаем ли себе отчет в том, что в нашем обществе сложился определенный вариант бандитско-воровской идеологии. Ведь это не просто социальная практика, иллюстрации к которой мы получаем из очередной порции информации. Здесь и героизация криминала, и круговая порука, и даже своеобразная сплотка. Много ли мы знаем сегодня об идеологии чиновников, бюрократов? Она обрела сегодня такую власть, какой не располагала никогда и нигде. Разве это не призывает к идеологическому обоснованию своей миссии?

Нельзя не выделить особый менталитет олигархов. Он отнюдь не огорожен экономической практикой. Для разработки этого духовного изыска уже мобилизованы интеллектуалы. Мы, по существу, не обращаем внимания на экс-плюзию утопического сознания. Какие невероятные идейные комплексы сопровождают значительные открытия науки и техники! Евгеника подчас воспринимается как детская забава. Здесь и господство меритократии, и радикальная реконструкция человеческой природы, и пламенный призыв «станем богами!» Напомню, что нацистская идеология в свое время получила гигантское идеологическое подкрепление в расистских экспертизах, которые затем не заслужили признания, однако остановить процесс оказалось уже невозможно. Не зря Ю. Хабермас отметил, что наука и техника берут на себя функцию идеологии.

Буева Л. Идеология как социальное явление во все времена человеческой истории использовала предвзятые мнения, ценностные предубеждения. В социально-политической жизни она прославилась расчетливым поведением властвующих элит, укрепляющих свое господство. Идеологии придают коллективную ориентацию всякому движению, укрепляют социальные общности и делают борьбу людей более целенаправленной. То, что в практике одного человека выступает как смутное ощущение, неуловимое настроение, эмоциональный нюанс, в идеологии обретает известную системность и даже ложную оправданность. В ряде условий идеология легко превращается в социальную страсть. Идеология усиливает политический фанатизм.

Егорова И. Мы упустили еще один важный момент. Сегодня в нашей стране идеологический курс направляет один человек. Это Президент. Именно он, исходя из политических соображений, предлагает общественному сознанию новые идеи, а идеологизаторы мгновенно начинают «вести разработку» этих лозунгов. Так ли должен функционировать идеологический процесс? Источником новых идей выступает социальная практика. Именно она формирует ценностные и практические установки общества. Идеология, на мой взгляд, прорастает снизу. Мы же постоянно твердим о том, что нам следует изобрести идеологию, придумать ее, оформить надлежащим образом и внести в политический обиход. При этом мы постоянно тревожим общественное сознание угрозой хаоса, идеологическим вакуумом. Совсем как строчка в предновогодних стихах Евгения Евтушенко:

*Зло и во власти, служащей лишь власти, Но и в
безвластье хаоса толпы.*

Гуревич П. В мире глобалистской гонки, потребительского умопомрачения обращение к традиции не лишено смысла. Обращение к консервативным ценностям — характерная примета времени. В этом контексте провозглашение консервативного курса может принести пользу стране. Однако надо помнить, что в спектре идеологических течений это всего лишь одно из направлений мысли. Во многих странах это течение отлично справляется со своей функцией — критикой господствующего либерализма. Однако сам поворот к консерватизму в нашей стране опасен. Он может привести и к реваншизму авторитарной идеологии.

Буева Л. Об этом, вообще говоря, напоминает книга Теодора Адорно «Жаргон подлинности. О немецкой идеологии», которая недавно вышла на русском языке. Философ напоминает, что идеология, незаметно для общества, формирует особый язык, который не имеет содержания, но создает его иллюзию. Этот жаргон подлинности максимально отвечает целям подчинения власти. Диктат идеологии проникает в образование, становится кодом избранности. Демонстрируя переполняющее его глубокое душевное волнение, этот язык предельно стандартизирован. Сведущему в жаргоне, подчеркивает Адорно, необязательно говорить про то, что он думает. Необязательно даже и думать. Жаргон берет это на себя и обесценивает мысль.

Егорова И. Поразительная вещь — идеология. Ее восхваляли и проклинали, творили и уничтожали, призывали на помощь и называли пустой забавой. Но она все равно существует — «пресволочнейшая штукавина». В чем же ее притягательность и неотменимость? Идеология связана с антропологической природой человека. Она обусловлена потребностью человека мыслить, оценивать, создавать картины мира. Но эту обязанность выполняет наука. В.И. Ленин утверждал, что марксизм создал научную идеологию. Однако научность этого корпуса идей оказалась сомнительной. П. Рикер считал, что фактически никогда социальная теория не достигала уровня научности, который позволил бы ей выстроить дистанцию между наукой и идеологией. Наука стремится открыть тайны мира, идеология предполагает неизбежное сокрытие реальности. Тогда почему нельзя с помощью науки окончательно разоблачить идеологию?

Буева Л. И все-таки критика идеологии не должна обесценивать тех усилий, которые сегодня направлены на целостность государства, на создание нормального общественного сознания, четкости политического курса. Современный мир гораздо сложнее, чем это было сто лет. Сегодня политику действительно приходится все чаще соотноситься с политической конъюнктурой, реагировать на массово-психологические процессы. Идеи должны помогать власти, идеологи вооружать ее.

Гуревич П. В меру наших возможностей мы и стремились к этим целям. Что можно ответить на вопрос, который стал нашей темой? Современный мир уже не

ориентируется ни на экспертное знание, ни на философские разработки, ни на расстановку реальных политических сил. Поэтому остановить идеологическое творчество невозможно и в этом нет необходимости. К сожалению, научное познание лишено аксиологического измерения. Оно раскрывает закономерности, которые управляют природой и социумом. Но наука не отвечает на смысложизненные вопросы: почему так устроен мир, в чем смысл такого мироустройства? Идеология берет на себя такие функции, которые не может выполнить наука. Она создает гомогенную систему одинаковых представлений, ценностей и норм, задавая смысл всему человеческому бытию. Именно идеология обеспечивает некий баланс между реальностью и божественной сферой. Она отвечает извечной потребности человека видеть мир гармоничным, цельным, одухотворенным. Человеку нужна вера во что бы то ни стало, пусть это будет даже пустое следование заповедям, продиктованным откровением, исходящим от сверхчувственного существа.

Наука и техника не устранили идеологии. Наоборот, чем сложнее и многообразнее общественная жизнь, тем настоятельнее становится потребность в некоей силе, которая бы мобилизовала и скоординировала человеческие помыслы, направив их в конкретное русло. Если рассматривать идеологию только как средство познания, то она неизбежно окажется ложным сознанием. Но если рассматривать идеологию как систему управления обществом, то возникает вопрос о ее действительности, о радиусе ее всепроникающей деятельности, о глубине ее влияния на умы людей. Господство идеологии совсем не обязательно должно совпадать с политическим господством. Власть и дух могут вступать в противоречие. Официальная идеология далеко не всегда бывает самой могущественной. В этом проявляются возможности идеологического плюрализма. Всякое стягивание идеологического процесса к одной магистральной линии грозит последствиями. Идеологию невозможно разоблачить и устранить. Вытеснить ее может только другая идеология. Деидеологизация опасна в той же мере, как и реидеологизация. Проблема лишь в том, чтобы понять, действительно ли сегодня нельзя без идеологии.

И все же я отважусь сказать: нам нужны социальные идеи, но не нужна особая, выверенная и одобренная идеология. Идеология невольно упрощает мысли ради их обязательного соседства и стройности. И в этом есть опасность идеологизации. И еще: разве нельзя считать общественным ориентиром возвышение страны за счет ее реального экономического роста, углубляющейся интеллектуализации, создания нормальных условий жизни? Сошлюсь на случайный пример. Солдат шел как-то в увольнительную. Когда проходил мимо речки, услышал крики тонущего мальчика. Не раздумывая, он бросился в воду и вытащил паренька, который уже изрядно нахлебался воды. На другой день, когда солдат уже вернулся в свою часть, он отправился на полит-беседу. Старшина спрашивал у солдат, какими качествами должен обладать российский воин, чтобы совершить такой героический поступок: спасти тонущего. Участники политбеседы не молчали. Один говорит: солдат должен стать патриотом. Другой как бы возражает: устав нужно знать хорошо. Третий начинает рассуждать о милосердии. А тот, который все время молчал, вдруг говорит: «Он должен уметь плавать».

Не пора ли и нам вместо отвлеченных разговоров о патриотизме, милосердии, жертвенности учиться «плавать»? Не пришло ли время учиться строить заводы, мосты, поднимать село, повышать интеллектуальный уровень страны, развивать науку? Вспомним поучительные строчки С. Маршака:

*Лошадь не подкована — командир убит, Дивизия
разбита — армия бежит. Враг заходит в город, пленных
не щадя, Потому что в кузнице... не было гвоздя.*